

«АБСОЛЮТНЫЙ ШЕДЕВР» МУХАММАДА АЛ-МУВАЙЛИХИ

В.Н. КИРПИЧЕНКО

Доктор филологических наук

Мухаммад ал-Мувайлихи (1858, Каир - 1930, там же) родился в семье, которой принадлежала крупная фирма, торговавшая шелком. Владельцы фирмы - отец и дядя Мухаммада - были известны также своей активной политической и журналистской деятельностью. Мухаммад получил прекрасное образование, с детства владел французским языком. В 1882 г. за распространение написанного его отцом Ибрахимом ал-Мувайлихи воззвания в поддержку восстания Ораби-паши он был арестован и вынужден уехать из Египта.

Живя в Италии, а затем во Франции, сотрудничал в газете Джамаль ад-Дина ал-Афгани «Ал-Урва ал-вуска» («Крепчайшие узы» - имелись в виду узы, связывающие единоверцев-мусульман). Посетил Англию, в 1885-1887 гг. жил в Стамбуле. Был широко начитан как в классической арабской, так и в европейской литературе. По возвращении в Каир публиковался в различных органах прессы, а с 1898 г. - в основанном его отцом еженедельнике «Мисбах аш-Шарк» («Светоч Востока»). Еженедельник пользовался успехом благодаря злободневности и прекрасному литературному стилю публикуемых в нем статей, писавшихся, в основном, отцом и сыном ал-Мувайлихи. Многие в Каире побаивались их острых языков.

В 1898-1900 гг. в «Мисбах аш-Шарк» был напечатан цикл статей Мухаммада ал-Мувайлихи под общим названием «Период времени». В 1907 г. эти статьи, переработанные автором в цельное художественное произведение, вышли отдельной книгой, оза-

главленной «Период времени, или Рассказ Исы ибн Хишама». Академик А.Е.Крымский назвал это единственное художественное произведение Мухаммада ал-Мувайлихи «макамным* романом». Он стал тем звеном, которое соединяет традиции классической арабской прозы с новыми романскими формами, заимствованными из европейской литературы. Роман назван именем героя-рассказчика *макам* ал-Хамдани (X-XI вв.), основоположника *макамного* жанра, и написан в значительной части рифмованной прозой, *садж'ем*; он состоит из эпизодов, действие которых происходит каждый раз в новом месте, куда перемещаются герои - рассказчик-литератор Иса ибн Хишам и паша-турок Ахмад ал-Маникли, умерший еще в правление Мухаммада Али, при котором он был военным министром, и воскресший полвека спустя.

В отличие от *макамных* циклов, где эпизоды самостоятельны, в «Рассказе» уже обозначены причинно-следственные связи, объясняющие перемещения героев по разным районам и учреждениям Каира. Наивный герой, очутившийся не в своем времени, удивляется новым порядкам и, не зная новых законов (за время его «отсутствия» были приняты законы, списанные с французского Кодекса Наполеона), постоянно попадает в неприятные ситуации. Разнообразие обстоятельств, в

которых оказываются герои, множество персонажей, с которыми им приходится иметь дело, жизненность описываемых эпизодов нередко вынуждают автора отказываться от *садж'а*, переходить на обычную прозу.

Многие сцены и диалоги сближают «Хадис» («Рассказ») с драматургическим произведением. Сохранились в нем и следы публицистического стиля конца XIX в. - тогда и публицистические статьи часто писались рифмованной прозой. Присутствуют и унаследованные от *макамной* традиции многочисленные цитации из средневековой арабской поэзии. Вместе с тем, многое заимствовано автором и из европейской литературы, из французских переводов древнегреческих авторов и даже из современной русской прозы. Уже в первой главе возникает образ полицейского, явно подсказанный чеховским «Хамелеоном» (арабский перевод рассказа сирийцем Ибрахимом Джабиром был опубликован незадолго до выхода в свет произведения Мувайлихи - в 1905 г.). Манера обращения каирского полицейского с собравшимися на рынке людьми, а также «узелок» в его руке, очень напоминают чеховского полицейского надзирателя Очумелова. Такой арабско-европейский художественно-публицистический синтез позволил автору наглядно показать все стороны египетской действительности рубежа XIX-XX вв. и изменения, произошедшие в обществе и в сознании египтян вследствие засилия в стране европейцев и перенятия западных норм и образцов в сфере законодательства и в повседневной жизни.

Автор не жалеет ярких сати-

* *Макама* - средневековый жанр, нечто вроде плутовской новеллы. Его зачинателем считается Ахмад ибн ал-Хусайн ал-Хамдани (969-1008), прозванный Бади аз-Заман (Чудо времени). Он создал цикл *макам* с общими героями: рассказчиком Исой ибн Хишамом и хитроумным плутом Абу Зайдом ас-Саруджи.

рических красок и гипербола, рисуя картины жизни египетского общества и портреты отдельных его членов. Он остается убежденным сторонником прогресса и просвещения, но настаивает на необходимости сохранения традиционных духовных и нравственных ценностей ислама. Осознает, что прогресс и просвещение вовсе не означают избавления общества и человека от пороков и недостатков, и тем самым подрывает самые устойчи-

просветительской идеологии - веру в безусловно благотворное влияние знаний на индивидуальную и общественную нравственность. Бытописательский пласт «Хадиса», выведенные в нем типы, олицетворяющие египетский национальный характер, оказали самое непосредственное влияние на творчество египетских прозаиков начала XX в., поставивших себе задачу создания национальной реалистической литературы.

В 1927 г. «Хадис Исы ибн Хишама» был включен египетским министерством образования в программу школьного обучения. Книга переиздавалась в Египте 8 раз, последний - в 2002 г., и до сих пор читается с удовольствием и не утратила своей злободневности.

Автор рецензии на французский перевод «Хадиса» (2005 г.) назвал произведение «абсолютным шедевром».

ПЕРИОД ВРЕМЕНИ, ИЛИ РАССКАЗ ИСЫ ИБН ХИШАМА «НАЗИДАНИЕ»

МУХАММАД АЛ-МУВАЙЛИХИ
(Египет)

П ривиделось мне во сне, будто по пустынному кладбищу ал-Имам¹ я бродил среди надгробий и могил ночью лунною, чудесной, осиянной блеском светил небесных, при свете их хоть жемчужины в ожерелье собирай, хоть песчинки малые считай. Могилы и камни я созерцал и сам с собою рассуждал о гордыне человека безмерной, о погоне его за славой беспримерной, о том, сколь велики его притязания и необузданные желания, как много мнит он о себе, забывая о предуготованной ему судьбе. До небес гордец нос задирал, собранное и накопленное напоказ выставляет, а придет смертный час и уткнется носом в могилу, и вот уже гордость и славу его могильной плитой придавило. Так я бродил и размышлял, кружил по кладбищу и вспоминал, а напомнила мне сухая земля слова мудрого Абу-л-'Ала²:

*Осторожно ступай по покрову земли,
ведь под ним прах людей, что до нас здесь
прошли.*

*Сколько б лет ни минуло, негоже потомкам
память предков не чтить, кои в землю легли.
Потихоньку иди, если можешь, земли не касаясь,
прах почивших Аллаха рабов уважай и в пыли.*

Порыв раскаяния меня охватил, и шаг я замедлил у одной из могил. Пришло мне в голову, что среди многих, упокоившихся тут, и красавицы юные нашли свой приют. Некогда были уста их *киблой*³ влюбленных, на сладость их поцелуя был кто-то готов променять вод Каусара⁴ благодать. Теперь же смешались их прах и кости с песком и камнями на этом погосте.

Красавиц тех щекам завидовали розы и капельки росы роняли с лепестков, как слезы. Сердца при виде этих щек воспламенялись, а родинка семечком кардамона или каплей влаги небесной в венчике анемона

казалась. Стыдливость юности их украшала. Но время жалости не знало, и стали они по приговору судьбы прахом земли.

А очи красавиц, ловившие в сети ресниц великих царей и обращавшие пастырей народов в послушных детей! Они соблазнили Марута и Харута⁵ в Вавилоне, им покорялся тот, кто диктовал другим свои законы, - с короною в руке и с вспотевшей от робости головой молил он о милости, как молит о подавании нищий с сумой. И вот эти очи засыпаны землей могилы, словно и не было у них никогда чарующей силы.

А роскошные волосы цвета воронова крыла, восхитившие своим блеском сердце и взгляд, - рука времени их скосила, а смерть соткала из них саван могильный.

А груди, подобные серебряным шарам, украшенным кусочками коралла, или ледяным холмам, увенчанным зернышками граната, - превратились они по прошествии дней в кормушки для могильных червей.

*Сколько берегших от поцелуя щечку
от плена могилы щеки не уберегли,
А шеи, для которых груз ожерелий был тяжек,
несут на себе всю тяжесть земли.*

Среди черепов и костей покоятся и останки могучих царей, многие страны принудивших покориться и пытавшихся со звездами сравниться. Владыки, то милостивые, то жестоко казнившие, судьбы мира пером и мечом вершившие, тела и души подданных поработившие, те, кого поэты как солнца и луны воспевали, сравнивались с теми, кого поработили, и сегодня великий и малый неотличимы стали.

*Для смерти все равны, и нищий и богатый,
и рвущийся наверх, и потерпевший крах,*